

АБХАЗИЯ, ЕЕ ЛИДЕРЫ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА (20-30-Е ГГ. XX В.)

Вспоминается одна из бесед с Г.А. Дзидзария, моим научным руководителем. «Есть интересные сведения, - радостно сказал он. - К концу жизни Эшба и Лакоба наладили отношения».

Прошли годы, и эти слова нашего выдающегося историка нашли своё подтверждение. В 1989 г. Владислав Ардзинба, будучи народным депутатом СССР, получил доступ к архиву КГБ и ознакомился с целым рядом документов 30-х годов о Ефреме Эшба, Несторе Лакоба, Сарии, Рауфе... Копии этих материалов Владислав Григорьевич передал мне, и они частично вошли в мою книгу «Очерки политической истории Абхазии», вышедшей в Сухуме в 1990 году. Было решено отдельно издать архивные выписки, но началась война и копии, которые хранились у меня в кабинете в АБНИИ, сгорели. Недавно эта потеря была восполнена. К счастью оригинал этих записей сохранился в Фонде Первого Президента, и они были любезно предоставлены Светланой Ирадионой Джергения восстановленному Историко-мемориальному музею Н.А. Лакоба.

Выборочно эти московские документы вместе с большим семейным архивом Марины Ефремовны Эшба легли в основу книги «Ефрем Эшба», изданной в 1997 году (И. Марыхуба).

По выпискам, сделанным В. Ардзинба, становится известно, что Эшба неоднократно бывал в Абхазии в 1928, 1930, 1934, 1936 годах. По словам самого Е. Эшба, с «Н. Лакоба в это время [1934 г.] у меня снова восстановилась дружба» (А.39). Нестор тогда «подчёркнуто указывал, что в Абхазии меня (т.е. Эшбу), как троцкиста ни разу ни в одном районе не «прорабатывали». Таким образом Лакоба «старался не подрывать моего авторитета...» (Там же).

Вообще здесь необходимо отметить, что отношения между двумя лидерами были различные: от очень тёплых в 1918-начале 1921 года до довольно сложных. Историкам ещё предстоит выяснить истинные причины расхождений, которые лежат не столько в сфере их личностных отношений, сколько связаны совершенно с другими факторами традиционной народной жизни, пришедшими в противоречие с законами классовой борьбы...

Недавно известный юрист и общественный деятель Абхазии Г.Н. Колбая опубликовал пространную статью о поездке Эшба и Лакоба в

Турцию. Становится известно, что в письме к соратнице Ленина Е.Д. Стасовой от 10 декабря 1920 г. Эшба настоятельно рекомендует направить Нестора на дипломатическую работу, советским консулом в Трапезунд. Вот какую характеристику даёт ему Ефрем Эшба. «...Смело могу вас уверить, что человека, который с такой ловкостью и тактом мог ориентироваться в местных условиях, как так Лакоба, трудно у нас найти. Серьёзный, с большой инициативой, партийный товарищ, великолепно усваивающий, с кем имеет дело, хорошо понимающий условия жизни восточных народов, в особенности здесь, досконально усвоивший политическое положение, - более подходящего кандидата в консулы трудно подыскать» (Акуа.2017.Н 1-2.С. 80).

Но вернёмся к 36 году, который стал трагическим для всех троих руководителей Ревкома Абхазии. В феврале Ефрем Алексеевич приехал на похороны брата в Очамчиру, и там узнал об аресте Николая Акиртава, который 21 марта был осуждён НКВД СССР. Тогда же, весной 1936 г. Н. Лакоба приехал в Москву. С Эшба они встретились 3 апреля и проговорили всю ночь. Позднее Ефрем Алексеевич показывал на допросе: «...За 8 дней до моего ареста [11 апреля 1936 г.] Лакоба был у меня на квартире в Москве и провёл все время почти до утра - он сознался, что Берия, в интригах против него, добился больших успехов, он чувствует растущее недоверие к нему со стороны Сталина. Берия он поносил всячески, называя его выскочкой, очень опасным интриганом» (А.43).

О сложных отношениях этого периода свидетельствует и большое письмо Лакоба Сталину от 1 апреля 1936 г., с которым Нестор обратился к вождю, находясь в Москве, за два дня до встречи с Эшба. Оно написано убористым почерком, карандашом, на семи листах с пометкой «Только лично» - и с резолюцией: «Мой архив. И.Ст.».

В том же роковом 36 году Председатель ЦИК Абхазии Нестор Лакоба записал в своём служебном блокноте: «Человеку дарованы два блага: надежда и неведение будущего. Последнее ещё лучше первого». Эти слова оказались пророческими.

В самом конце 36-го Нестора не стало, а арестованные на тот момент Н. Акиртава и Е. Эшба, ненадолго его пережили. Через 15 лет им отомстили за курс Абхазии на независимость и самостоятельность.

У Эшба и Лакоба было немало общего в биографиях. Оба родились в 1893 году, рано вступили в партию большевиков: Нестор в 1912, Ефрем - в 1914-м. В связи с революцией 1917 г. Эшба не завершил учебу на

юридическом факультете Московского университета, а Лакоба - на юрфаке Харьковского университета.

Были и отличия. Ефрем с юности хорошо играл на кларнете, а Нестор виртуозно играл в бильярд. Лакоба прекрасно говорил на абхазском, хорошо знал русский, свободно общался на турецком и слабо владел немецким. Эшба хорошо владел русским, говорил на английском, знал грузинский и мегрельский, и плохо родной абхазский, по поводу чего очень сокрушался. Ефрем был приближен к Ленину, Нестор - к Сталину. При этом оба ценили Троцкого. Эшба был ближе к «теоретикам» партии (Ленин, Бухарин, Каменев), а Лакоба - к «практикам» (Сталин, Дзержинский, Рыков, Орджоникидзе). Между прочим, Троцкий назвал Нестора «человеком большого мужества и практического ума».

Ефрем был приверженцем классовой борьбы, верил в идеалы марксизма-ленинизма; Нестор был меньшим коммунистом и больше народным лидером, крестьянским самородком, который следовал вековым традициям и обычаям, пытаясь приспособить к ним (а не наоборот!) новые революционные и социальные преобразования.

В действительности Лакоба и Эшба, несмотря на отдельные разногласия, действовали в интересах Абхазии и дополняли друг друга. Так, в начале 1921 г. Эшба выступил инициатором независимости Абхазии при поддержке Ленина. Его единомышленниками были Лакоба и Акиртава. Несомненная заслуга Эшба состоит в том, что ему удалось тогда, несмотря на противодействие Сталина и Орджоникидзе, переломить ситуацию в пользу провозглашения независимой ССР Абхазия, т.е. ещё до образования СССР. Достаточно вспомнить полный драматизма разговор Эшба с Орджоникидзе по прямому проводу (перед поездкой в Батум), в котором Председатель Ревкома Абхазии очень жестко повёл себя в вопросе будущего республики.

Однако, грузинские вожди в дальнейшем саботировали это решение, а Ленин, в результате болезни, вынужден был считаться с грузинским лобби, которое имело гораздо большее на него влияние, чем Ефрем Эшба. Сталин, набиравший силу в Кремле, отдавал явное предпочтение Нестору, с которым его сближали даже некоторые факты биографии.

Оба росли без отца, учились в Тифлисской духовной семинарии, оба исключены из неё, участвовали как боевики партии в налетах и экспроприациях...

Ставка, сделанная на Лакоба, оказалась верной, что отчётливо проявилось в 1924 г., когда Троцкий задержался в Абхазии на два с половиной месяца, не приехав на похороны Ленина, и тем самым, потеряв власть. Опекал все это время Троцкого Нестор, а Сталин ещё больше укрепил свои позиции в Кремле. Расположение нового вождя было с лихвой использовано Лакоба на благо экономического и культурного развития республики. Не случайно с 1921 по 1931 год Абхазия на фоне повсеместной разрухи и голода в СССР казалась благополучной «табачной» и курортной республикой. Вообще в течение 15-ти лет (1921-1936 гг.), несмотря на различные пертурбации, понижение статуса - Абхазия, вплоть до гибели Нестора, была фактически на положении привилегированной республики.

Отношения Сталина с Эшба были прямо противоположными. И останься он у власти в Абхазии после 1922 г., не составит особого труда предположить, как бы это сказалось на Абхазии...

Период правления Лакоба явно отсрочил ряд драматических событий, что наиболее выпукло проявилось в подходах к вопросу коллективизации.

В 1930 г. Сталин отдыхал на даче «Холодная речка», близ Гагр. Вместе с ним были Серго Орджоникидзе и Нестор Лакоба. Они сидели на веранде. К ним присоединился и приехавший из Кабарды Бетал Калмыков. Позднее, в 1932 г. Орджоникидзе рассказал об этой встрече Ефрему Эшба, а тот пересказывал своим друзьям чеченцам.

«Калмыков, желая поддеть Лакоба при Сталине, спросил: «А скажи, Нестор, какой у тебя процент коллективизации?». Лакоба не понравился вопрос... Он буркнул: «60 %.» «А у меня - 95 %», - с торжествующими нотками в голосе сказал Бетал Калмыков. Лакоба долго молчал. И вдруг задал Беталу вопрос: «А сколько людей ты расстрелял пока добился таких процентов?» Орджоникидзе засмеялся, Сталин улыбнулся. Смущенный Бетал ответил: «Ну, человек двести...» А Лакоба поднял голову и торжествующе сказал: «А я ни одного...» (См.: Марыхуба И. Ефрем Эшба. Сухум.1997. С. 398).

В вину Нестору вменялось и то, что он, по словам Сталина, «опирается на все слои абхазского населения». Не было исключением и княжеско-дворянское сословие, тесно связанное с абхазским крестьянством «молочным родством» (аталычество). Некоторым нуждающимся князьям он даже выплачивал денежные пособия, в то время как их преследовали по всему Союзу. Приведу один пример. Нестор,

вопреки импульсам, исходившим из Тифлиса и Москвы, рискуя политической репутацией, не шёл на репрессии против князей и дворян. Однажды, перед отъездом в Москву, опасаясь возможного кровопускания в его отсутствие, он иносказательно наставлял прокурора Абхазии Алшунба: «Помни, что помимо большой дороги, есть ещё и тропинки...» (По свидетельству юристов Л.Черкезия и Г.Колбая).

Об этом в своей исторической поэме «Нестор и Сария» очень ёмко сказал поэт Семён Липкин:

Он все любил в своём родном народе:
Обычаи, и эпос, и князей,
Которых он оставил на свободе
И как бы превратил в живой музей.
Он выселял абхазцев с неохотой,
Кулак уничтожался разве сотый.
И то, коль Нестор к стенке был приперт,
Он был в своей приверженности твёрд,
Абхазия была его работой...

В 1929-1930 гг. социально-экономическая и политическая обстановка в Абхазии резко обострилась. Это было связано с неподготовленностью почти сплошь крестьянской республики к «великому перелому» (1929 г.) - переходу к сплошной коллективизации. Внутренняя оппозиция и оппоненты Н.Лакоба обвиняли его в том, что он переоценивает особенности республики, придерживает темпы роста коллективизации. Лакоба и не скрывал, что он против такой коллективизации, говорил, что здесь нет кулака как класса...

В своём письме от 19 октября 1929 г. Сталин пожурил Нестора за не вполне большевистскую политику, который, помимо прочего, «находит возможным иногда не подчиняться решениям обкома». Можно себе представить, какое обвинение было брошено Нестору вождем. Партия управляет СССР, а Лакоба иногда не подчиняется ее решениям!

Вместе с тем, неожиданно для всех, Сталин обрушился на местный обком партии, который “не учитывает специфических особенностей абхазского уклада, сбиваясь иногда на политику механического перенесения русских образцов социалистического строительства на

абхазскую почву» (Куправа А. Из истории абхазской традиционной культуры. М. 1998. С. 107-108).

Таким образом, Сталин поддержал Нестора, и тот значительно упрочил свою власть и авторитет.

Придерживая курс сплошной коллективизации, Нестор растянул ее во времени, смог избежать человеческих жертв, и она, в отличие от других районов СССР, завершилась не в первую пятилетку (к 1933 г.), а к концу второй пятилетки (после его смерти, в 1937 г.). В Абхазии внедрялись лишь низшие формы кооперации - поселковые товарищества; организовывались ТОЗы - товарищества по общественной обработке земли. Главным же достижением при Несторе был мирный характер коллективизации, здесь не было лозунга ликвидации кулачества как класса, а критерии определения кулацких хозяйств были другими. Не применялись репрессивные меры и административное выселение, как это практиковалось по всему Союзу. (Куправа А. С. 109).

Не прошёл мимо этой проблемы и Ефрем Эшба, который в августе и ноябре 1930 г. побывал в Абхазии и оставил свои беглые заметки «О Ткварчалах, колхозах и бандитах» (Марыхуба И. Ефрем Эшба. С. 357-359). Он отмечает, что «нет никакого сомнения, что в Абхазии достигнуты большие успехи как в культурном отношении, также и в экономике...». Однако считает, что республика готова к коллективизации, просто этот процесс дискредитируется властями и частью крестьянства. Он пишет: «Чепуха - разговоры, будто особые условия абхазского крестьянства ставят непреодолимые препятствия колхозному строительству. Об этом говорил мне один «из больших» людей в Сухуме».

Один из стариков отвёл Эшба в сторону и спросил: «Скажи правду, хорошее дело колхоз или нет?» Получив ответ: «Да, хорошее и необходимое», он дальше: «Но нельзя ли обойтись, чтобы нас оставили жить по отдельности, и не заставляли селиться в кучу, как в России?» Здесь же были разговоры об общем огромном одеяле, под которым колхоз будет спать, об общности жён... А как же быть с гостеприимством и оплакиванием, спрашивали крестьяне?

Один из них спросил у Эшба: «Неправда ли, что Лакоба поехал в Тифлис и добился для Абхазии отмены колхозов?»

На основе этих разговоров и своих наблюдений Ефрем Алексеевич приходит к выводу: «вопрос о колхозах в Абхазии стоит ещё во весь рост неразрешенным».

О своих впечатлениях он рассказал Нестору при встрече в Гагре, но тот был раздражён тем, что Эшба направил в Тифлис письмо о своём взгляде на коллективизацию. (Ефрем Эшба.С.126).

Положение в Абхазии в 1930 г., по выражению Эшба, было «резко антиколхозное», что и привело в феврале 1931 г. к Дурипшскому сходу... Завершая своё выступление, хотелось бы отметить несколько судьбоносных для Абхазии и ее народа решений, которые оказались стратегическими и сыграли историческую роль, спустя десятилетия после их принятия...

1) В сложнейшей обстановке в марте-апреле 1925 г. на III съезде Советов Абхазии Нестор Лакоба принимает Конституцию ССР Абхазия и провозглашает республику (ст.5) суверенным государством. Это казалось невероятным - только что в 1924 году была принята Конституция СССР, в которой Абхазия значилась как автономная республика. После этого началась страшная атака на Нестора и Абхазию, но принятая конституция просуществовала много месяцев. В не менее сложное время: 23 июля 1992 года Верховный Совет Абхазии во главе с В. Ардзинба восстанавливает Конституцию суверенной Абхазии 1925 г., которая просуществовала в военный (1992-1993 гг.) и послевоенный период (до 26 ноября 1994 г.).

2) Благодаря прозорливости Нестора, коллективизация в Абхазии не была проведена в ее жестких формах. Крестьянство, как основа народа, было сохранено. Благодаря этому во время грузино-абхазской войны, особенно на восточном фронте, который находился в блокаде, крестьяне, сельская община проявили стойкость и героизм.

3) Что было бы с восточной Абхазией в годы грузино-абхазской войны 1992-1993 гг., если бы в 20-30-е гг., при колоссальном противодействии Тифлиса, в горах не появился шахтёрский город Ткуарчал? Только благодаря энергичным действиям Н.Лакоба, рядом с Гальским районом и Западной Грузией вырос крупный промышленный центр. Его важной экономической задачей была промышленная разработка каменного угля, формирование национальных кадров рабочего класса, стекавших сюда со всей Абхазии. Ставилась тогда и стратегическая задача: создать в Ткуарчале бастион, многонациональный укрепленный район Абхазии на пути картвельской колонизации и восточной экспансии. В 1992-1993 гг. блокадный Ткуарчал стал своеобразным военным центром восточной Абхазии, оказывая неоценимую инженерно-техническую помощь сельскому населению и фронту.

18 марта 2018